

Три Д: державность, духовность

К 1000-ЛЕТИЮ ЯРОСЛАВИИ

На днях губернатором Ярославской области Анатолием Лисицыным был впервые озвучен девиз предстоящего 1000-летия Ярославля и Ярославии как выношенная личная мысль – и как предложение, адресованное центральной власти и местному обществу. Уже началось обсуждение идеи. Ярославцы никогда не были чересчур почти-тельны к тому, что исходит от официоза. Такой уж это непочтительный народ. Вот и теперь Рунет откликнулся на идею губернатора рядом шуточных аналогий. И это нормально. Но хотелось бы поразмышлять о заявленных понятиях всерьёз. Перспектива юбилея того стоит. Девиз – это то, что и формулирует смысл предстоящей работы, и подытоживает накопленный опыт исторического бытия. О том и о другом есть смысл говорить без иронического прищуря.

Плавная поступь трёх-сложного амфибрахия. «Державность – духовность – достаток». Трёхзвенный девиз выглядит как строка стихотворения.

Три Д, как сразу отреагировали на форумах Рунета. Есть обаяние в таких невольных созвучиях, рождающихся как будто самопроизвольно. Помнится, Ломоносов находил в русском языке помимо много прочего сильную в изображениях краткость греческого и латинского языков. Что-то такое угадывается и в данном случае.

Уже сказали, что на букву Д есть и иные хорошие слова: достоинство, демократия, добродетель... Это правда. У нас ещё есть несколько заветных слов, которые нам дороги как жизнь. Честь, свобода, совесть, вера... Но девиз 1000-летия предполагает краткость и силу посылки. Это не словарь, это формула.

Мне кажется, в предлагаемом триединстве есть чёткость и честность.

Есть существенное авторское начало, связанное с личностью губернатора, с тем, что он делает на своём посту: если угодно, личный стиль и почерк.

Есть конкретность, которая вполне соответствует именно характеру и масштабу реализуемой программы 1000-летия.

Три заявленных понятия вполне подходят для того, чтобы нам осознать себя *здесь и теперь*.

Триада – синтез трёх разных начал, пребывающих в слитности. Такие трёхзвенные формулы восходят к древнейшим структурам сознания, а в христианском мире, как обычно считается, они пришли из вечности и связаны с трёхипостасной природой Бога.

В России XIX века знаменитую триаду создал Сергей Уваров: «Православие – самодержавие – народность». Формула национальной идеи. Трудно усомниться в том, что тогда за этой триадой стояла достоверная реальность. Заявленное единство не было, однако, гармоническим, не стало и нерушимым. Есть много оснований считать, что эта формула навсегда утратила свою актуальность.

В советские времена предложили другую триаду в основание общественной жизни: «идейность – партийность – народность». Но жизнь не легла в железную матрицу, заданную тогдашней властью. И в этом есть урок. Духовно-обеспеченные формула, девиз – не прокрустово ложе, не колодки, в которые вбиваются общество и человек. Их не нужно навязывать для исполнения в приказном порядке. Это – скорее повод для самосознания, для самостоятельной работы понимания, для вдохновения и исторического творчества. Мы возвращаемся к ним не для того, чтобы брать под козырёк, а для того, чтобы в суете будней не поте-

рять чего-то важного и главного. Чтобы свериться с опытом предков и найти своё место в истории.

Нужно победить абстрактность понятий, лишённых конкретного наполнения. Это не всегда удаётся. Только один пример. Кто-то успел заметить, что понятия из девиза 1000-летия уже декларировал писатель Юрий Поляков, нынешний редактор «Литературной газеты». Это так. Слово-то вроде бы и те же, да ситуация иная.

У Полякова триада была заявлена уж слишком масштабно – как суммарный смысл общенационального бытия. Мне кажется, литератор взял чрезмерный вес и слегка надорвался. Полякову не удалось внятно мотивировать свой выбор. Его идеи остались абстрактными. Его амбиции повисли в воздухе. Само понятие национальной идеи является слишком трудным для однозначной фиксации. Как мудро сказал однажды философ Владимир Соловьёв, национальная идея – это не то, что нация о себе думает, а то, что думает о нации Бог. А с Богом не шутят.

Кстати, свой набор понятий «на Д» («пять Д») был и у украинского политика, экс-президента Леонида Кравчука. Это были слоганы, с которыми он шёл на выборы. И тут мы видим несоответствие понятий и ситуации. Высокие понятия политик просто попытался использовать в своих интересах... Нам не нужно такого идеологического кумиротворения, обслуживающего злбодня.

Мой коллега профессор Андрей Азов недавно критически оценил составные части заявленного девиза 1000-летия: «Да, я люблю свою страну, но державность традиционно олицетворяла государство, а не людей, которые в нём живут. Я за духовность, но за ту, которая не монополизирована религией. Духовность – достояние всех, и здесь не должно быть посредников. Что касается достатка... Конечно, это хорошо. Но лично я человек наивный и нерасчётливый, предпочитаю жить сегодняшним днём. Поэтому и достаток ради достатка не приемлю. Деньги не должны быть фетишем». Ход мыслей А. Азова вызывает большую симпатию, но его аргументация всё-таки кажется мне уязвимой. Наверное, можно меньше придирается к понятиям как к абстрактным жупелам. Важно подумать о том, что за ними реально стояло в ярославской историко-культурной традиции и как их интерпретировать сегодня. Ведь Ярославия – совершенно особый регион русского мира.

Итак, о конкретном смысле абстрактных слов.

Понятие **державности** в истории Ярославля и Ярославского края определено центральными фактами истории.

Быть может, прав финский

профессор Карл Мейндер, который указывает на исландские саги, повествующие о сильных и богатых биармах и их стране, раскинувшейся от Балтики до Оби, – и прописывает центр Биармии в ярославской округе. Но это факт гадательный. А безусловно наиважнейшее событие в истории города и края – **миссия 1612 года**.

В истории город появляется в ореоле народных восстаний. С этим связано первое летописное упоминание о Ярославле. Но я бы определил Ярославль городом возвращения к норме, к порядку, к осмысленному и даже освящённому бытию. У него свой подход к разрешению общественной проблемы: подход, основанный на социальной активности и на попытке встать поперёк явному злу, явной несправедливости, общественной фальши.

Базисный миф, лежащий в основании истории Ярославля, – это миф георгический, змеборческий. Миф о победе над злом. Его инвариантом является легенда о поединке князя Ярослава с медведем. Дело Ярослава выступает как подобие священного дела Георгия Победоносца. (Вспомним, что христианское имя Ярослава – именно Георгий.)

С наибольшей очевидностью эту свою роль в большой истории город сыграл в 1612 году. Ярославль стал столицей России, пребывавшей в агонии, центром сбора ополчения Минина и Пожарского. Отсюда и спаслась тогда Россия.

Ярославль – город-ополченец, город – спаситель России как государства. Уже этого достаточно, чтобы предъявить заявку на державную значимость города и края.

То был звёздный час в судьбе Ярославля. Но что-то подобное обнаруживалось и в моменты новых бурь и испытаний. Близкая по духу музыка существования звучит и в 1812, и в 1918, и в 1941 годах, и в конце 80-х годов минувшего века. Так, Ярославское восстание 1918 года закончилось поражением восставших. Однако оно имеет важный исторический и духовный смысл. Граждане России попытались тогда утвердить в драматических обстоятельствах высокие идеалы народоправства, законности и прав личности.

Ряд фактов в обоснование ярославского понимания державности связан с давней эпохой независимости. Фундамент ярославской государственности был заложен князем Фёдором Ростиславичем Чёрным. Это предстательство, к которому князь пришёл в конце своей яркой жизни, – о власти как о служении, об аскезе. Всегда волнует, как вспомнишь, один из величайших моментов в истории Ярославии: умирая, князь велел вывести себя на площадь и просил прощения у каждого ярославца за вольные и невольные обиды...

История ярославской независимости и кончается вольной жертвой князя своей властью ради мира и благополучия подданных. Именно так в XV веке Ярославское княжество мирно влилось в состав Московской Руси.

А ещё важно, что в истории Ярославля понятие державности сливается воедино с понятием **низовой демократии**. В кульминационный момент местной истории, в 1612 году, за стенами Спасской обители собирался **Совет всея земли – первый русский земский парламент**. По итогу Смуты в городе возникла **церковно-общинная, приходско-це-**

ховая демократия. Именно она во многом обеспечила расцвет города.

С тех пор у нас заявляют о себе веяния русской демократии. Подлинно народные движения и инициативы возникают здесь не по заказу. Стремление к первенству, независимость, достоинство, желание и умение широко и свободно развернуться в мире, наводить мосты к Западу и Восто-

с являвшимся здесь Николаем Угодником, с мистическим сновидцем Ордынским царевичем Петром, со святителями и юродивыми.

Ярославль – преддверие русской вечности, расписные **ворота в град Китеж**. Дальше него, согласно логике народной веры, может быть только чудесный Небесный Иерусалим. Два главных собора города – Успенский и Спасо-

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

ку – всё это входит в характер ярославца. Край дал России великих земских деятелей – Дмитрия Шаховского и Константина Некрасова, для которых незыблемый приоритет – ценности демократии и свободы, замечательного реформатора Александра Яковлева...

Теперь о **духовности**. В самом общем плане духовность – это предпочтении ценностей духа материальным соблазнам и искушениям. Но вниманием в конкретные выражения ярославской духовности.

«Город Ярославль богомольем взял». Пословица характеризует своеобразие города в народной памяти. Ярославль – город общерусской святости иконы Толгской Божьей Матери, храмов, колокольного звона, город пастырского служения патриарха Тихона. Здесь смотрит на нас Господь Саваоф с мистической фрески собора Спаса Преображения. Здесь сияла неземной красотой икона Ярославской Оранты.

«Ярославль да город да на горе стоит, на горе стоит да во всей красоте, да на прикрасоте, лучше Питера да краше Киева, лучше матушки да каменной Москвы...» Народная песня передаёт образ избранного Богом **града на горе**, райского града. Ярославль осознал себя замком которосльного входа и заветной калиткой в сокровенный сад Царского (Сарского) града, Ростова Великого, с крестителями Леонтием и Авраамием,

Преображенский – связаны с этой темой перехода, преобразования, духовного прорыва. Отсюда начинается плавание-паломничество по незыблемой Волге, впадающей в мистический Светлояр. Именно здесь из уст местных старообрядцев была записана **Китежская легенда**. А после в стенах Спасского монастыря найдено было (родилось?) и «Слово о полку Игореве» – эта загадочная таинственная странствия русской души. Не случайно город был опознан как средоточие сакрального знания. В начале XIII века князь Константин Всеволодович Мудрый, воин и книжник, собрал в Кремле одну из крупнейших в русской древности библиотек и основал первую на Северо-Востоке духовную школу. Её преемником станет устроенный на вершине Ярославского холма лицей.

С XIV века ярославское Заволжье – **северная Фиваида** – делается местом бегства от мира отшельников-иноков. Они спасаются тут для вечной жизни. Сильвестр и Павел Обнорские, Адриан Пошехонский, Паисий Угличский, Кассиан Грек... Их пустынножизненная, лесная аскеза не прерывалась общению с окрестным людом и оказывала своё действие и на крестьян, и на князей. Особым путём в вечность являлось юродство, процветавшее в Ростове (Исидор Твердислов, Иоанн Власов), Иоанн Большой Колпак), а затем, в XVII веке, его дополнило затворничество

авность, духовность, достаток

профессор Карл Мейндер, который указывает на исландские саги, повествующие о сильных и богатых биармах и их стране, раскинувшейся от Балтики до Оби, — и прописывает центр Биармии в Ярославской округе. Но это факт гадательный. А безусловно наиважнейшее событие в истории города и края — миссия 1612 года.

В истории город появляется в ореоле народных восстаний. С этим связано первое летописное упоминание о Ярославле. Но я бы определил Ярославль городом возвращения к норме, к порядку, к осмысленному и даже освящённому бытию. У него свой подход к разрешению общественной проблемы: подход, основанный на социальной активности и на попытке встать поперёк явному злу, явной несправедливости, общественной фальши.

Базисный миф, лежащий в основании истории Ярославля, — это миф георгический, змеборческий. Миф о победе над злом. Его инвариантом является легенда о поединке князя Ярослава с медведем. Дело Ярослава выступает как подобие священного дела Георгия Победоносца. (Вспомним, что христианское имя Ярослава — именно Георгий.)

С наибольшей очевидностью эту свою роль в большой истории город сыграл в 1612 году. Ярославль стал столицей России, пребывавшей в агонии, центром сбора ополчения Минина и Пожарского. Отсюда и спаслась тогда Россия.

Ярославль — город-ополченец, город — спаситель России как государства. Уже этого достаточно, чтобы предъявить заявку на державную значимость города и края.

Ярославль — город-ополченец, город — спаситель России как государства. Уже этого достаточно, чтобы предъявить заявку на державную значимость города и края. То был звёздный час в судьбе Ярославля. Но что-то подобное обнаруживалось и в моменты новых бурь и испытаний. Близкая по духу музыка существования звучит и в 1812, и в 1918, и в 1941 годах, и в конце 80-х годов минувшего века. Так, Ярославское восстание 1918 года закончилось поражением восставших. Однако оно имеет важный исторический и духовный смысл. Граждане России попытались тогда утвердить в драматических обстоятельствах высокие идеалы народоправства, законности и прав личности.

Ряд фактов в обоснование ярославского понимания державности связан с давней эпохой независимости. Фундамент ярославской государственности был заложен князем Фёдором Ростиславичем Чёрным. Это предстательство, к которому князь пришёл в конце своей яркой жизни, — о власти как о служении, об аскезе. Всегда волнует, как вспомнишь, один из величайших моментов в истории Ярославля: умирая, князь велел вынести себя на площадь и просил прощения у каждого ярославца за вольные и невольные обиды...

История ярославской независимости и кончается вольной жертвой князя своей властью ради мира и благополучия подданных. Именно так в XV веке Ярославское княжество мирно влилось в состав Московской Руси.

А ещё важно, что в истории Ярославля понятие державности сливается воедино с понятием низовой демократии. В кульминационный момент местной истории, в 1612 году, за стенами Спасской обители собирался Совет вся земля — первый русский земский парламент. По итону Суду в городе возникла церковно-общинная, приходско-це-

ховая демократия. Именно она во многом обеспечила расцвет города.

С тех пор у нас заявляют о себе веяния русской демократии. Подлинно народные движения и инициативы возникают здесь не по заказу. Стремление к первенству, независимость, достоинство, желание и умение широко и свободно развернуться в мире, наводить мосты к Западу и Восто-

с являвшимся здесь Николаем Угодником, с мистическим сновидцем Ордынским царевичем Петром, со святителями и юродивыми.

Ярославль — преддверие русской вечности, расписные ворота в град Китеж. Дальше него, согласно логике народной веры, может быть только чудесный Небесный Иерусалим. Два главных собора города — Успенский и Спасо-

(Иринарх). Эхо служения мудрых старцев в XX веке — подвижничество отца Павла Груздева.

Ярославский край был и ковчегом спасения старообрядцев, ушедших от мира, из общества, где, согласно их воззрениям, воцарился Антихрист. Апогей этого мироотрицания — массовые добровольные самосожжения под Романовом и в Пошехонье. А ещё были опыты «предивного старца» Капитона, учившего истреблять свою плоть, была знаменитая секта-церковь странников, основанная старцем Евфимием под Ярославлем...

Особая духовность у Ярославского Возрождения XVII века. Вера тогда совместились с социальным служением. Это культура Гурия Никитина, Фёдора Зубова, Семёна Спиридонова — культура пробуждения творческой личности, её мирского самоутверждения. Возникли особые отношения между человеком и Богом, основанные на взаимном доверии и близости. Получили оправдание земная жизнь, человеческая активность на мирских поприщах, общественная солидарность. Тогда зримо запечатлелся образ ярославского урочища как «русского рая».

Другая эпоха духовного роста связана с XVIII веком. На Толге покоится прах наместника края Алексея Мельгунова, величайшего в Ярославле цивилизатора Нового времени. Мельгунов — духовный искатель, вдохновлённый мечтой о превращении Ярославля в образ рая, по масонской мерке. Он внёс в город все формы столичной культуры.

В XVIII — XX веках духовность ярославца раскрывалась не только в церковных формах. К свободному духовному поиску незаурядного масштаба причастны самые яркие ярославцы — Фёдор Волков и Николай Некрасов, Михаил Кузмин и Юрий Любимов... Михаил Соколов и Константин Васильев... Вспомним здесь и о жертвенной гибели графини Эмили Мусиной-Пушкиной, во время эпидемии ходившей за своими крестьянами, от них заразившейся и умершей...

Традиции веры оказались в крае прочными, как мало где на Руси. Ярославль — один из городов, где в 1920 — 1930-х годах не прекращалось открытое церковное сопротивление безбожной власти. Край стал центром движения непоминающих. К движению примыкали люди истовой веры, монашество, интеллигенция, скрытые и явные противники режима. В числе лидеров движение имело ярославских архиереев — Агафангела Преображенского, Иосифа Петровых, Серафима Самойловича, Варлаама Рябенцева. Сейчас мы вспомнили об этих стойких и верных людях.

Понятие духовности — наиболее трудное для актуального осознания и осмысления. Духовность не может быть детерминирована только традицией. Это — актуальный подвиг, это сегодняшние усилия, это новое духовное творчество на путях, которые заранее описать и предвидеть нельзя. В современной Ярославии это и храмовое служение, это труды благотворителей, аскеза власти, это незаметный под-

виг и тихая жертва простых людей... Это и религиозные искания, которые в многоконфессиональном обществе знают, разумеется, разные пути, разный опыт. Это и художественное творчество Николая Мухина, Евгения Кузнецова, Александра Белякова... Свободны и разнообразны в своих духовно-творческих исканиях, художественных и издательских проектах ярчайшие представители современной артистической элиты Ярославля (Жарков, Малафеевский, Рутман, Кузин, Кравчук и др.). У них есть непринужденная грация, которая рождена мироощущением, не связанным низкими горизонтами и суглинистой почвой. Она вдохновляется опытом мастеров и экспериментаторов мирового уровня.

Наконец, о достатке. В самом примитивном выражении понятие достатка связано с апофеозом потребительской цивилизации, с абсолютизацией ценностей комфорта. В таком прочтении достаток выглядит скучно и совсем не современно. Вот, скажем, лидер христианско-демократической партии Германии Ангела Меркель откровенно заявила, что общество потребления достигло предела своего развития. Она намерена повернуть страну к духовным началам.

Но и у нас в свете исторической памяти речь может идти не просто о потреблении, но о характерной для ярославца экономической жилке, о трудолюбии и предприимчивости.

Издавна край — торговый Край на Великом Волжском пути из варяг в арабы. С тех далёких времён ярославское Верхневолжье включено в орбиту мировой мечты. Купеческие города и торговые сёла края известны своей хозяйственной активностью. Во многом успехам ярославских торговцев и ремесла обязан расцвет Ярославля в XVII веке. Прославились ярославцы своими талантами в отходе XVIII — XX веков.

Да и в XX веке, что бы мы ни думали о советском периоде истории, вхождение в индустриальную цивилизацию и модернизация мобилизационного типа потребовали от ярославцев огромных трудов и жертв. А в самом конце века мы сделали первые шаги к постиндустриальной цивилизации, к информационному обществу нового типа. Вспомним моё общение с Александром Русаковым, благодаря труду которого (сначала во многом на средства Сороса) был произведён рывок в сфере информационных технологий.

Вернулась в наши края и стихия рынка — как испытание, как соблазн. Не все с ним справились. Но... нельзя запретить спички лишь оттого, что дети могут устроить пожар. Пока что к гражданскому обществу и демократии без рынка ни одна страна в мире не перешла (хотя к рынку без демократии — пожалуй!).

Сегодня ярославцев ищет и находит себя в пространстве хозяйственно-экономической деятельности, в мире дела, воспринятого как жизненное призвание и творчество. Будем доверять его уму и таланту. Будем ценить знания и труд. Именно этим может быть обеспечен достаток всех и каждого — в том идеале, который требует от нас актуализации ценностей социальной солидарности, взаимной поддержки. Задача чрезвычайно актуальная.

Евгений ЕРМОЛИН, профессор ЯГПУ.

Фото Анны СОЛОВЬЕВОЙ.

ку — всё это входит в характер ярославца. Край дал России великих земских деятелей — Дмитрия Шаховского и Константина Некрасова, для которых незыблемый приоритет — ценности демократии и свободы, замечательного реформатора Александра Яковлева...

Теперь о духовности. В самом общем плане духовности — это предпочтение ценностей духа материальным соблазнам и искушениям. Но вниманием в конкретные выражения ярославской духовности.

«Город Ярославль богомольем взял». Пословица характеризует своеобразие города в народной памяти. Ярославль — город общерусской святости иконы Толгской Божьей Матери, храмов, колокольного звона, город пастырского служения патриарха Тихона. Здесь смотрит на нас Господь Саваоф с мистической фрески собора Спаса Преображения. Здесь сияла неземной красотой икона Ярославской Оранты.

«Ярославль да город да на горе стоит, на горе стоит да во всей красоте, да на прикрасоте, лучше Питера да краше Киева, лучше матушки да каменной Москвы...» Народная песня передаёт образ избранного Богом града на горе, райского града. Ярославль осознавался замком которосльного входа и заветной калиткой в сокровенный сад Царского (Сарского) града, Ростова Великого, с крестителями Леонтием и Авраамием,

Преображенский — связаны с этой темой перехода, преображения, духовного прорыва. Отсюда начинается плавание-паломничество по незримой Волге, впадающей в мистический Светлояр. Именно здесь из уст местных старообрядцев была записана Китежская легенда. А после в стенах Спасского монастыря найдено было (родилось?) и «Слово о полку Игореве» — эта загадочная тайнопись странствия русской души. Не случайно город был опознан как средоточие сакрального знания. В начале XIII века князь Константин Всеволодович Мудрый, воин и книжник, собрал в Кремле одну из крупнейших в русской древности библиотек и основал первую на Северо-Востоке духовную школу. Её преемником станет устроенный на вершине Ярославского холма лицей.

С XIV века ярославское Заволжье — северная Фиваида — делается местом бегства от мира отшельников-иноков. Они спасаются тут для вечной жизни. Сильвестр и Павел Обнорские, Адриан Пошехонский, Паисий Угличский, Кассиан Грек... Их пустынножизненная, лесная аскеза не претягивала общению с окрестным людом и оказывала своё действие и на крестьян, и на князей. Особым путём в вечность являлось юродство, процветавшее в Ростове (Исидор Твердислов, Иоанн Власов, Иоанн Большой Колпак), а затем, в XVII веке, его дополнило затворничество